



ФИЛОСОФИЯ

УДК (1)091.17

Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского

О. В. Екшибарова

Екшибарова Ольга Владимировна, аспирант филологического факультета, Алтайский государственный педагогический университет, ooosestra@gmail.com

Статья посвящена философско-мировоззренческим взглядам Ф. М. Достоевского. Рассматривается правомерность обвинения Достоевского в «новом христианстве». На основании сравнения мыслей самого писателя и полемических высказываний о его творчестве таких философов, как В. С. Соловьёв, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, М. И. Туган-Барановский, дается характеристика «нового христианства» Достоевского. Герменевтический метод позволил автору проанализировать как первоисточники христианской мысли (Новый и Ветхий Завет), так и работы Достоевского и публицистику его современников, обсуждающих философские взгляды писателя. Цель работы – сопоставление понятия «новое христианство Достоевского» с пониманием «христианства» как такового. Это новый взгляд на философское мировоззрение писателя. На основе соотнесения основных аспектов христианства (свобода выбора, духовное возрождение, Евангелие как источник просвещения) в первоапостольском понимании и в творчестве великого писателя формулируется вывод о том, что «новое христианство» Достоевского поддерживает принципы первоапостольского христианства. Однако одновременно «новое христианство» Достоевского видит путь развития современного христианства в духовно-нравственном, «просветительском» ракурсе. Таким образом рассматривается и решается проблема о том, является ли «новое христианство» Достоевского авторской трактовкой христианства писателем.

Ключевые слова: «просветительство», христианство, мораль, вера, религиозность, нравственный поступок, «новое христианство».

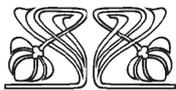
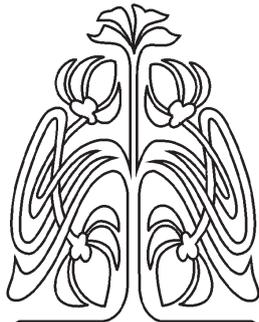
Поступила в редакцию: 19.05.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

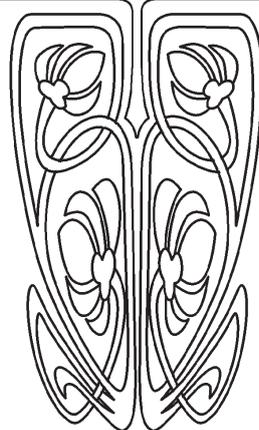
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>

Современное морально-нравственное состояние общества побуждает поднимать те же проблемы, что волновали русскую интеллигенцию рубежа XIX–XX вв. Творчество таких масштабных фигур, как Ф. Достоевский и Л. Толстой, трактовалось неоднозначно. Достоевского обвиняли в попытке собственной трактовки христианства – в «новом христианстве». Для того чтобы оценить, насколько правомерно это обвинение, к чему действительно направлял мысль Достоевский, обратимся к полемическим статьям о его творчестве и к самим литературным произведениям писателя.

В критических статьях по поводу творчества Достоевского русские мыслители, в частности М. И. Туган-Барановский, Д. С. Мережковский, В. С. Соловьёв, В. В. Розанов, поднимали актуальные проблемы экономико-социального, духовного характера, задавались онтологическими вопросами. Они пытались дать оценку Достоевскому как просветителю XIX в., ставящему благополучие общества в прямую зависимость от мировоззрения индивида, личности. Несомненно, что особенно активно философско-духовные проблемы



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





обсуждались тогда в русской литературе. Она стала своеобразным полем, возвращающим отечественную философскую мысль. Ярким представителем русского просвещения, «сеятелем» стал и Ф. М. Достоевский. Вокруг его произведений разгорелась полемика, направленная на обсуждение социально-философских вопросов. Включившись в обсуждение творчества писателя, многие видные мыслители, философы того времени давали свою интерпретацию произведений Достоевского. Таким образом, раскрывалась картина русской философской мысли рубежа веков. Особенно остро стоял вопрос о «новом христианстве» Достоевского. Что хотел донести писатель устами своих героев? Каков идеал Достоевского? Каков исторический путь развития России? Все эти вопросы можно свести к одному: трактовка христианства писателем.

Термин «новое христианство» Достоевского звучит в послесловии к «Трёх речах в память Достоевского» у В. С. Соловьёва. Не ставится под сомнение религиозная составляющая в романах писателя. Так, социолог, экономист, марксист Туган-Барановский очень ярко прорисовывает мировоззрение Достоевского. Пытаясь найти «обоснование идеи верховной ценности человеческой личности» [1], он подчеркивает, что, по мнению Достоевского, «только потребность в Абсолюте может стать основой формирования нравственного закона» [1, с. 132]. «Бог и добро» – вот подлинная сила, способная возвести человека на высоту нравственности. Как экономист Туган-Барановский солидарен с Достоевским в том, что благополучие материальное не может быть достигнуто любыми средствами, точнее, оно не принесет удовлетворения самой личности, как видно на примере Раскольникова. Социально-экономические проблемы общества должны решаться параллельно с духовными. Это актуально звучит и сегодня. В век прагматизма молодое поколение занято устройством быта, это естественное действие человека невозможно осудить, важно другое: как, на каких основаниях идет это обустройство.

Потому для понимания и оценки такого явления, как «христианство», важно не рассматривать вырванный из контекста фрагмент времени в русской мысли, а иметь представление об истории развития духовной мысли России. Нужна своего рода летопись русской философии, что в хронологическом плане удалось осуществить А. Ф. Замалееву, который отмечал, что в русской философии «определяющую роль играет христианско-нравственная идея самосовершенствования человека» [2]. Однако нужен и некий философский сравнительный анализ русской философской мысли за длительный

период, чтобы четко выявить тенденции и закономерности ее развития в масштабах тысячелетия. Благодаря этому анализу можно увидеть, что «новое христианство» Достоевского было попыткой шага от «закона к благодати», возвещающего и в Послании Галатам Апостолом Павлом, и в одноименном произведении митрополита Иллариона [3] в ранней русской христианской мысли. «Христианство Достоевского» не было теологически систематизированным богословием или слаженным философским учением. Оно было экзистенциальным «воплем» человеческого сердца, раздираемого противоречием между реально видимым православным христианством и учением Христа, оставленным в Новом Завете. Потому для понимания подлинного христианства требовалось в первую очередь не приобщение к историческим обрядам православной церкви, а просвещение, т. е. чтение самого Нового Завета – знакомство с учением Христа. «Идите, научите все народы, крестя их...» (Матф. 28:19) [4] – в этом повелении Учителя видно, что основной задачей апостолов являлось научение людей христианству, т. е. подлинное просвещение.

Дмитрий Мережковский, указывая на Достоевского как на «пророка русской революции», подчеркивает, что «Петровское просвещение было лишь экономическим просвещением» [5], а духовные корни русского христианства вполне достаточны, чтобы просветить человека в истине и дать ему духовный фундамент, не заискивая перед западными просветителями, совершая революцию в сердце человека. В. С. Соловьёв акцентирует внимание на понимании Достоевским христианства не только в храмовом аспекте, а скорее в аспекте «домашнего христианства» [6], христианства общественного, способного послужить ближним в простых светских делах, но сделанных «как для Господа» (Кол. 3:23) [4]. Василий Васильевич Розанов признаёт идею духовного развития героев Достоевского «от первоначальной ясности через падение, к возрождению» [7]. Таким образом, первоначальная оценка мира, сделанная человеком в начале пути, может быть ошибочной, а понять и осознать это поможет череда падений, разочарований, жизненных невзгод, приводящих личность к духовному росту, духовному перерождению.

Достоевского упрекали в «новом христианстве». Что же, собственно, пытался предложить писатель в качестве «христианства», было ли это чем-то подлинно новым или виденье Достоевского было согласовано с первоисточником? Для ответа на этот вопрос выделим ключевые моменты в виденье христианства Достоевским и сравним их с Новым Заветом.



Наша цель – определить ядро христианства, не совершив подмены, а постараться полностью приблизиться к христианской философии, отраженной в первоисточнике – Новом Завете. Первая основополагающая мысль первоапостольского христианства о силе воскресения: во-первых, Христос – Бог, пострадавший за грехи людей, но и воскресший; во-вторых, духовное воскрешение личности – «рождение свыше человека» служат фундаментом для нового мировоззрения. Мысль о «возрождении» содержится в словах Ап. Павла: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых... и осветит тебя Христос» (Ефес. 5:14) [4]. В этом плане творчество Достоевского четко нацелено на духовное «воскресение» героя. Такие примеры видны в каждом романе «пятикнижия» Достоевского.

Вторая характерная черта первоапостольского христианства – это личный выбор человека, свободный и сделанный сознательно личностью. Ярким примером в этом отношении является образ Алёши в «Братьях Карамазовых». Юноша, имея внутреннее влечение к Богу, подался в монастырь. Однако, встретив в среде «братьев» разное практическое воплощение христианства в жизни, чуть было не разочаровался духовно. На чем были основаны колебания? Основание монастырского христианства стоит «... на чуде, тайне и авторитете» [8]. И нередко человек ждет от взаимоотношений с Богом именно этого. Так произошло у Алёши на начальном этапе, но, как увидим у Достоевского, «чудо, тайна и авторитет» – это путь Великого инквизитора. Путь Христа оказывается совсем иным, по Его словам, Он «тайно не говорил ничего...» (Иоан. 18:20) [4]. И Алексей перерастает в своей вере стены монастыря, его выбор – осознанное христианство в каждодневной жизни среди мира светского. Да, Христос в земной жизни творил очень много чудес, но Он никогда не нацеливал людей на получение знамений и чудес, «вы ищите Меня, так как ели и насытились, старайтесь не о пище тленной, но нетленной» (Иоан. 6:27) [4]. Такой разговор с народом свидетельствует о том, что Христос ориентирует людей на поиск духовного блага, а не материального благополучия. Он в некоторой степени упрекает людей за неверную цель, замечая, что «ищите знамение... знамение не дастся вам, кроме знамения Ионы пророка, ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Матф. 12:39-40) [4]. То есть главное и основное чудо, совершенное Христом, – смерть за грехи людей и воскресение для оправдания грешных. Его нахождение во гробе подобно нахождению Ионы во чреве кита. А восстание Христа из мертвых влечет и «восстание» из мертвых оправданного Богом христианина.

В отношении авторитета и внешнего величия Христа сказано в словах пророка Исаи, где образ Христа раскрывается уничиженным, «нет в Нем ни вида, ни величия..., который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умалён..., ранами Его мы исцелились, Он... страдал добровольно» (Ис. 53:2-7) [4]. Кричавшая толпа упрекала Бога за то, что Он не смог Сам Себя исцелить. В их словах слышны такие упреки, как «врач исцели Себя Самого» (Лук. 4:23) [4]. Внешне Христос не проявлял Своего божественного могущества, Он не ответил на вызов распявшей Его толпы «...если Ты Сын Божий, сойди с креста» (Матф. 27:40) [4]. Христос имел другую цель – не покорить и властвовать силой, а спасти и возвысить их до Себя любовью. Из приведенных фраз можно сделать следующий вывод: христианство – это не тот институт, который творит чудеса и раздаёт блага земные, а тот, что переворачивает духовные взгляды в человеке, ориентируя на преобразование его души – духовное возрождение (изменяются внутренние устремления, человека влечет к доброте, любви, терпению по отношению к ближним). Только такому человеку возможно и подлинное христианское влияние на окружающую среду (преобразование социума). Таким образом, у Алёши Карамазова действительно произошел сознательный выбор в пользу Бога, основанный уже не на ожидании чудес видимых, а на ожидании силы Божьей для жизни по образу Христа.

Другой вопрос, какой силой возможно это воплощение христианских идеалов на практике, каков источник этого мировоззренческого переворота личности в христианстве. В Новом Завете мы находим ответ в словах о том, что преобразование это свершается «силою Возлюбившего вас» (Рим. 8:37) [4]. При искреннем обращении личности к Богу Дух Божий приходит в сердце человека и дает ему эту силу. Здесь уместно говорить о третьей основополагающей мысли первоапостольского христианства: источником веры, а следовательно, и силы для преобразования является Слово Божие – Евангелие как корень богопознания. В «Преступлении и наказании» чтение Евангелия произвело перемену в героях. Также в «Братьях Карамазовых» ключевой мыслью в этом отношении можно считать высказывание старца Зосимы, точнее его призыв: «Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия... Господи, что за книга и какие уроки! Что за книга это Священное писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку!» [8, с. 317]. Вот «рецепт», вот источник просвещения для Достоевского – Библия. В нем и чудо, в нем и сила для духовного воскрешения человека, для смены его мировоззрения.



И только с такой силой в человеке возможны подлинные преобразования окружающего мира. Так и в «Дневнике писателя» Достоевский размышляет на злободневную тему: среда ли формирует человека или человек среду? Ответ писателя согласуется с философией Нового Завета: христианин должен влиять на окружающих, «вы – свет миру» (Матф. 5:14) [4]. Сложно противостоять большинству, не разделяющему твои взгляды, но и Христос со своими учениками был в меньшинстве. Ветхий Завет говорит о том, чтобы не следовать за большинством на зло. В романах Достоевского мы наблюдаем, что герои с христианскими взглядами, как правило, в великом меньшинстве, но именно они могут иметь силу воздействия на среду. Так стариц Зосима своим искренним покаянием всколыхнул окружающих. Так Алёша своей любовью и верой согрел и направлял ближних к Богу, к Евангелию. То есть ключевое значение имеет просвещение человека Словом Божиим как источником для формирования и смены мировоззрения личности. Это и есть начало христианской веры, основа для морали и нравственности. Следовательно, вопрос о материи и духе – извечный вопрос философии – встает и разрешается у Достоевского следующим образом: для преображения мира телесного, материального необходимо первостепенное преображение духа человека по Евангелию, по Христу. Хочется закончить словами Д. Мережковского: «Можно верить в православие, не веря в Бога» [5, с. 100], который адресовал это высказывание, характеризуя Шатова, героя Достоевского. Анализируя этого героя, Мережковский восклицает: «Вот страшное признание, неужели не только Шатова, но и Достоевского?» [5, с. 100]. На этом вопросе хотелось бы закончить рассуждения, думая, что эта фраза может в некотором роде стать ключом к пониманию эпохи рубежа XIX–XX вв. в русской философской мысли. «Православие», олицетворяя «Закон» (обряд и религиозную форму), не могло дать той «благодати» для жаждущей духовных истин личности. Для получения «благодати» и жизнеспособности Церкви нужно идти путем просвещения, требуется найти личность, пожелавшую сделать свободный, осознанный выбор Троицею Бога, как своего Идеала, не только в теоретическом, но и в практическом его воплощении. А для этого выбора человек должен быть знаком с учением христианства, изложенным в «Новом Завете». Церковь должна стать институтом просвещения.

И христианство, проповедуемое Достоевским, скорее имело тягу к просвещению, чем к православию, к просвещению во имя познания любви Бога к человеку и желания ответной любви человека к Богу – добровольной, истекающей из личностной жажды. Этот аспект «просветительского» христианства в некотором роде знаменует и современные христианские движения в российском обществе.

Таким образом, можно отметить, что Достоевский не выходил за рамки «первоапостольского» понимания христианства: признавая Христа, Его смерть и воскресение, писатель осознавал необходимость духовного просвещения народа благодаря чтению Евангелия. Он признавал волю человека и его ответственность за выбор главными факторами во взаимоотношениях с Богом, в формировании мировоззренческой позиции. Цель своей жизни Достоевский видел прежде всего в духовно-нравственном просвещении общества, в призыве ко Христу, к Евангелию, что он косвенно и делал в своих художественных произведениях. Таким образом, философия «нового христианства» – это больше духовное просветительство, направленное на преобразования личности.

Список литературы

1. *Туган-Барановский М. И.* Нравственное мировоззрение Достоевского // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 128–143.
2. *Летопись русской философии. 862–2002* / ред.-сост. А. Замалева. СПб. : Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003. 340 с.
3. *Илларион.* Слово о Законе и Благодати. URL.: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (дата обращения: 09.11.2019).
4. Библия. М. : Российское библейское общество, 1999. 925 с.
5. *Мережковский Д. С.* Пророк русской революции // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 86–119.
6. *Соловьёв В. С.* Три речи в память Достоевского // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 32–59.
7. *Розанов В. В.* О Достоевском // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 64–74.
8. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. СПб. : Каравелла, 1993. 848 с.

Образец для цитирования:

Екшибарова О. В. Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 354–358. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>



The Philosophy of “a New Christianity” by F. M. Dostoevsky

O. V. Ekshibarova

Olga V. Ekshibarova, <https://orcid.org/0000-0001-7573-7582>, Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia, ooosestra@gmail.com

The article is devoted to the philosophical views and world outlook of F. M. Dostoevsky. The author analyzes the validity of accusation of Dostoevsky in “a new Christianity”. Based on the comparison of the writer’s own thoughts and polemical statements about his work by such philosophers as V. S. Solovyov, V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, and M. I. Tugan-Baranovsky, the author provides the description of Dostoevsky’s “new Christianity”. The hermeneutical method allows the author to analyze both the primary sources of Christian thought (the New and the Old Testaments), as well as the works by Dostoevsky and the articles of his contemporaries, who discuss the writer’s philosophical views. The purpose of this work is to compare the concept of “the new Christianity of Dostoevsky” with the understanding of “Christianity” as such. This comparison, not previously considered, is a new perspective on the writer’s philosophical worldview. The article compares the main aspects of Christianity (freedom of choice, spiritual revival, the gospel as a source of enlightenment) in the first Apostolic understanding and in the works by Dostoevsky. Based on the analysis of the comparison, it is concluded that Dostoevsky’s “new Christianity” supports the principles of the first Apostolic Christianity. However, at the same time, Dostoevsky’s “new Christianity” sees the way of development of modern Christianity in a spiritual and moral, “educational” aspect. Thus the problem of whether Dostoevsky’s “new Christianity” is the author’s interpretation of Christianity by the writer is considered and solved.

Keywords: “enlightenment”, Christianity, morality, faith, religiosity, moral action, “new Christianity”.

Received: 19.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Ekshibarova O. V. The Philosophy of “a New Christianity” by F. M. Dostoevsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 354–358 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>

References

1. Tugan-Baranovskiy M. I. Dostoevsky’s Moral world-view. In: *O Doctoewckom: tvorchevstvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 128–143 (in Russian).
2. *Letopic Rucckoiy filosofii*. 862–2002 [A. Zamaleev, ed. The Chronicle of Russian philosophy. 862–2002]. St. Petersburg, Izdatelsko-torgowyy dom “Letniy Cad”, 2003. 340 p. (in Russian).
3. Illarion. *Clovo o zakone i Blagodati* (Hilarion. The Word about Law and Grace). Available at: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (accessed 9 November 2019) (in Russian).
4. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Rocciyckoe bibleyckoe obshchestvo Publ., 1999. 925 p. (in Russian).
5. Merezhkovskiy D. C. The Prophet of the Russian revolution. In: *O Doctoewckom: tvorchevstvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 86–119 (in Russian).
6. Solovyov V. S. Three speeches in memory of Dostoevsky. In: *O Doctoewckom: tvorchevstvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 32–59 (in Russian).
7. Rozanov V. V. About Dostoevsky. In: *O Doctoewckom: tvorchevstvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 64–74 (in Russian).
8. Dostoevsky F. M. *Bratya Karamasowy* [The Brothers Karamazov]. St. Petersburg, Caravella Publ., 1993. 848 p. (in Russian).